

29 мая 2012 г.

**X Международная конференция  
«Государственное управление в XXI веке:  
повестка дня российской власти»**

**Выступление Швыдкого Михаила Ефимовича, декана факультета  
высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере  
МГУ имени М.В.Ломоносова:**

Знаете, когда я учился в институте (я в середине 60-х годов поступил, не в МГУ, к сожалению) у нас учился афганец, парень замечательный, такой Заман Кушкакия. Он говорил: я когда закончу, – мы учились на театроведческом факультете в ГИТИСе, – поеду в Афганистан и буду строить социализм. Я говорю: слушай, а почему, все-таки, социализм? Он говорит: бедные очень. Очень бедные.

И это проблема, которую я всегда вспоминаю. Когда говорил сейчас Андрей Михайлович, я вынужден, все-таки, два слова на его поле сказать о том, что надо вытащить из бедности людей, которые живут за чертой бедности. Это совершенно справедливо. И не объяснить справедливость того, что гибнут дети от голода. Вообще, когда мы говорим об этом, после этого можно вообще ни о чем не разговаривать. Но, тем не менее, вспомню, как в 1987 году в театре Ленинского комсомола шел спектакль, который назывался «Диктатура совести». И после этого спектакля и в процессе этого спектакля шла все время дискуссия о том, как жить, как нам строить страну, чем мы должны заниматься, какой строй. И там в частности покойный уже Олег Янковский, который выступал в роли Ленина, говорил: «Ну, скажите мне, в какой стране больше социализма?» Отвечали по-разному. И вдруг встала американская женщина и сказала: «Как “в какой?” в Америке! Потому что...» – и она начала объяснять, почему больше социализма. Потому что люди, которые живут за чертой бедности, находятся на содержании у государства, которое подтягивает их из этой бедности на какой-то социальный уровень, но остальные, кто может, живут при капитализме.

Надо сказать, что и сейчас в Америке, извините, такая же ситуация. 48% платит налоги и в ужасе от вашего президента, 52%, которые получают от тех, кто платит налоги, голосуют за него и счастливы. И в этом смысле это вот тот баланс, если говорить об управлении. Баланс взаимоотношений.

Знаете, есть одна очень важная вещь. Очень важно, чтобы неравенство было справедливым. Потому что никакой справедливости вообще не существует. Мы все рождаемся только в юридическом смысле равные. В этом смысле демократии, конечно, имеют свои недостатки. Они имели недостатки в античности, они имеют недостатки сейчас. Мы рождаемся равными в юридическом смысле, но в практическом смысле – в человеческом, в биологическом – мы рождаемся неравными. И о ком-то государство должно заботиться, начиная от людей с ограниченными возможностями, а кому-то должно давать волю для абсолютного творчества. И вот этот баланс очень сложен в управлении. Крайне сложен! И найти вот это справедливое неравенство возможностей очень трудно. Сегодняшняя общественная ситуация это показывает очень точно. Дело ведь не в том, что у людей нет

общих интересов, – у самых бедных и у самых богатых. Знаете, есть одна очень важная вещь. Мы в силу прагматики, в силу подхода к человеку, как к некоему социальному существу, которым движут только интересы, забываем о том, что кроме интересов есть некие другие сферы, которые не учитываются социологами. Дело не в том, что у каждого человека есть желание заработать денег, добиться власти и осуществить какие-то свои плотские влечения. Человек существует и в сфере абсолютно духовной, которая в этом смысле равна для всех.

Я вернусь к теме нашего сегодняшнего разговора. У Герберта Уэллса был такой роман «Когда спящий проснется». Там был такой замечательный текст, когда просыпался некий человек, попавший в некое будущее, он как нормальный человек спрашивал: «А где ваше правительство?» ему говорили: «Какое правительство? Наше образование – наше правительство». Ему было это очень странно. Но если подумать и попробовать эту мысль распределить на историю последних, скажем, двухсот лет, даже трехсот, то становится очевидным, что многие процессы происходили из-за того, что в обществе накапливалось определенное, иногда избыточное, иногда достаточное, количество образованных людей. Я учился в школе, когда нам объясняли, что Великая французская революция произошла из-за того, что крестьяне ели крапиву. В 80-е годы XVIII века они не ели крапиву, на самом деле. Наоборот, Франция росла и земледелие развивалось. В обществе появилось слишком много образованных людей, которые не могли вписаться в эту систему. Появилась буржуазия. Появление образованных людей для системы управления архаичной, консервативной представляет всегда определенную угрозу. Можно сказать, что СССР развалился оттого, что упали цены на нефть и были большие кредиты, а можно сказать, что образование общества – особенно в 60-е, в 70-е, в 80-е годы – пришло к тому, что старая система управления не справлялась с потребностями этой образованной части общества.

Я в данном случае не пытаюсь подтянуть историю к сегодняшнему дню. Посмотрите английскую литературу конца 40-х – 50-х годов прошлого века. Поглядите! Там ведь главная проблема в том, что лейбористы запустили, настроили огромное количество университетов, оттуда вышли молодые люди и не нашли себе применения в жизни, и они начали раскачивать лодку британской монархии. Я не говорю про индийцев и прочие дела. Но это – серьезная, фундаментальная проблема.

Понимаете, я говорил, по-моему, выступая на прошлой конференции, что при такой системе, при таком количестве образованных людей система управления должна усложняться. Объективно должна усложняться, потому что, понимаете, существуют две вещи. Есть определенная вертикаль власти, она необходима для огромной страны, как наша. Но существует и сетевой подход к управлению. Ведь интернет был создан не потому, что искали какие-то интернет-схемы. В Соединенных Штатах Америки, когда поняли, что мы испытали водородную бомбу, пытались понять, как сохранить управляемость страной в отсутствие вертикали власти. Так появился интернет. Это была политическая задача, управленческая задача, которая привела к созданию сети. Потому что в случае катастроф сеть сохраняет стабильность и сохраняет управляемость лучше, чем вертикаль. И это все серьезные вопросы. Методологические – очень важные и практические – безусловно, существенные.

Понимаете, я пришел на телевидение... Ну, я пришел на телевидение очень давно, в 67-м году, – это неинтересно. Вот второй раз, когда я заходил на телеви-

дение, как бы сказать, уже телевизионным начальником во второй половине 90-х, была абсолютная вера в магнетизм, в то, что телевидение обеспечивает некую электоральную управляемость, абсолютную регулируемость и так далее. Но прошло всего-навсего 15–17 лет и выяснилось, что телевидение, притом, что это огромный ресурс воздействия на общество, не сохраняет эту управляемость и не является таким могущественным воздействием на общество, потому что появились другие источники получения информации. Стало сложнее управлять. Не учитывать это сегодня тоже невозможно.

Поэтому мне кажется, что, действительно, сегодняшняя, если говорить, возвращаясь к теме конференции, повестка дня российской власти состоит в следующем: сегодняшнее управление обществом усложняется не просто ежегодно, не скажу «ежеминутно», но, во всяком случае, ежемесячно. Чем больше в обществе образованных людей, тем сложнее управлять этим обществом, тем менее эффективны простые методы управления. И в этом смысле я думаю, что ситуация достаточно интересная. Знаете, у нас всегда говорят «трагедия, катастрофа». Это жизнь. Это нормально. Это хорошо. Потому что конкурентность страны, конкурентность России сегодня зависит от того, какое качество и количество образованных людей будет заниматься высокотехнологическими производствами.

Совершенно ясно, когда ставится вопрос о диверсификации экономики, то, естественно, от углеводородной экономики мы должны прийти к экономике (мы никогда не уйдем от углеводородной экономики – это всегдашнее искушение), где будет хотя бы сбалансирована высокая технологичность, высокие технологии в высокотехнологичной индустрии и природные ресурсы.

Я уж не говорю о том, что в 2002 году англичане создали такую довольно интересную... не концепцию, но это такая практика творческих технологий, творческих индустрий. И появился третий экономический сектор – очень важный, который втягивает в себя огромное количество людей, создает новые рабочие места и так далее. В том числе и образование в него входит. Потому что устойчивость экономики зависит не от крупных налогоплательщиков только. И прежде всего не от них. Нормальная экономика – в ней должно быть не менее 40%, а то и более, среднего и малого бизнеса, который платит налоги.

Хотел все-таки про культуру, но... все равно все сходится...

Есть еще одна проблема, и я на этом закончу. Есть ошибка, когда рассматривают образование не как часть культуры – я имею в виду, в широком смысле слова, – а просто как образование. Я думаю, что одна из сегодняшних наших проблем – это проблема не высшей школы даже, хотя в высшей школе множество своих проблем. Это проблема средней школы, начальной школы. У нас происходит дегуманизация образования. Она происходит во всем мире. Не надо думать, что это наша беда. Определенная дегуманизация и упрощение образования, если угодно. А на самом деле, нам нужно создавать какой-то процент людей, способных творчески мыслить. Творчески мыслить не в живописи или в театре, а творчески мыслить в физике, математике, в политике. Во всех сферах жизни. Если в обществе таких людей меньше – ну, хотя бы пятнадцати процентов, то никаких изменений ожидать не стоит. Никаких модернизаций быть не может. К этому приучить может только, на самом деле, достаточно гибкая система гуманитарного образования в школе.

Я когда боролся с нищетой, был у меня такой период в жизни. То есть я и сейчас борюсь, но уже с бедностью, а тогда – с нищетой. Мне приходилось ездить

по американским университетам и читать лекции. И я приехал в Массачусетский технологический институт читать историю искусств. Вы понимаете, что только от бедности жуткой можно было приезжать туда этим заниматься. И я посмотрел их учебную программу – 15% (это как бы наш Бауманский институт, наш Физтех, наш Физфак), 15% учебного времени – гуманитарные дисциплины. Не история и философия, а история искусства, театральные занятия и так далее. Зачем, спросил я их? Ну как, а без этого не может быть ничего.

Понимаете, я думаю, что вот это и вырабатывает те ценности. Вот здесь начал Вячеслав Алексеевич с десяти позиций, которые свидетельствуют о развитости государства. Без восприятия этических норм, без понимания красоты мира, без умения сострадать, без самоиронии вообще никакой индустрии и никакого управления быть не может.

Но, с другой стороны, повторю: есть проблема очень серьезная с моей точки зрения сегодня, которая решается и должна решаться методологически точно. Мы хотим, чтобы была страна высокообразованных, энергичных, креативных, творческих людей, которые требуют иной, очень гибкой системы управления. Без этого не может быть. Потому что, знаете, это как в школе, как родители или учителя. С одной стороны, все хотят, чтобы дети сидели в классе тихо, с другой стороны, все хотят, чтобы они получали пятерки по математике. Все хотят, чтобы они не шалили на переменных, но одновременно имели успехи в физическом воспитании. К сожалению, это очень трудный баланс, который требует удивительно-го класса в управлении.